

с молочной сывороткой и, когда бочку протыкали копьями кровные враги, перестал дрожать от переохлаждения, переданы в саге с потрясающей силой (приложение, с. 123–137). Очень важно, что «Сага об Исландцах» — это письменный источник, имеющий автора и синхронный описываемым в нем событиям.

Таким образом, и в XIII в., в эпоху записи родовых саг, семьи богатых и могущественных хавдингов, сосредоточивших к тому времени в своих руках и военное могущество вкупе с политической властью, продолжали взаимодействовать между собой согласно нормам и практике древнегерманского общества родичей. В таком обществе большую роль играли обычаи, связанные с кровной мезтью. И подстрекательство к мезти и ее практика оставались такими же, как и в эпоху, покрытую вековым мраком седой старины. Поэтому неудивительно, что записанные в XIII–XIV вв. исландские саги донесли до нас с такой полнотой как обычаи древнегерманского общества родичей, так и яркие и убедительные психологические портреты людей той эпохи.

Глава 2

Семья из трех поколений родичей как основная структурная единица древнескандинавского общества и ее этнографические параллели по древнескандинавским и иным источникам

Родовое общество — это не общество профессиональных статусов, а общество, состоящее из органических групп, основанных на происхождении.

А.Я. Гуревич. «Норвежское общество в раннее Средневековье»
[Гуревич 2009: 351]

Информацию о структуре древнескандинавского общества можно почерпнуть преимущественно из трех групп источников: во-первых, из средневековых областных законов — правовых

сводов, сохранивших многие традиционные черты, во-вторых, из терминологии рунических надписей (в основном поздних надписей на рунических камнях XI столетия), в-третьих, из памятников богатой и во многом чрезвычайно архаичной древнеисландской литературы — главным образом из родовых саг, которые еще называют «сагами об исландцах».

Если стереотипная сюжетика саг очень много дает исследователю для понимания *отношений* коллективов родичей, например обычая *кровной мести*, выплаты возмещения за убийство или передачи ребенка на воспитание в чужой родовой коллектив для успокоения кровной вражды, порядка ведения народного собрания — тинга и т.п. [Губанов 2004: 19–36], то статьи областных законов и тексты рунических надписей содержат много ценных сведений об основной структурной единице древнескандинавского общества.

Таковой являлась семья из трех поколений родичей, живших под одной крышей и имевших общее хозяйство. Собственно, трехпоколенная структура коллектива из живущих под одной крышей родственников лимитировалась сроком жизни патриарха — главы расширенной семьи.

Соответственно, и ближайшими родичами, которых в первую очередь касался долг кровной мести и которые несли основную ответственность в случае кровнородственной распри, получали или платили наибольшее возмещение за убийство согласно, например, ст. 218–228 норвежского Гулатинга, были члены трех нисходящих поколений по мужской линии (дед — сыновья — внуки) [Vestergaard 1988: 174–180] (женщинам мстить было нельзя, их главная роль в сагах — побуждать мужчин к мести) [Губанов 2004: 12–18, 25–29]. При этом соблюдался принцип оплаты эквивалентным родичам — убийца платил сыну и отцу убитого, брат убийцы — брату убитого, племянник по отцовской линии убийцы — соответствующему племяннику по отцовской линии убитого [Vestergaard 1988: 184].

По норвежским областным законам, коллектив из трех поколений родичей назывался *ætt*, в законах острова Готланд (Гута-

лаг — «Закон гутов») — *ett*. По Гуталагу, незаконнорожденный сын лишался прав на наследство, если не мог доказать происхождение от трех поколений через отца и мать.

Единство *ett* закреплялось фундаментом экономической базы. Во владении обширной семьи из трех поколений родичей находилась недвижимость, хуторское хозяйство (например, по ст. 218–228 норвежских законов Гулатинга), которое первоначально нельзя было продавать или делить — *odal* (др.-исл. *ofal*). Одаль фиксируется в четвертой статье 12 параграфа норвежских законов Фростатинга и в Гуталаге (первая часть, п. 12, 14, разд. 20). В Фростатинге сказано, что земля считалась одалем, если ею владели три нисходящих поколения родичей. В таком случае в состав *ett* включался правнук патриарха, имевший законное право на хутор и землю одаля [Vestergaard 1988: 177–178; Fsl. XII, 4]. У гутнийцев *ett* напрямую отождествляется в Гуталаге с *afal gutnisk*, что подчеркивает их неразрывную связь — главной ячейки социальной организации и ее собственности и экономической базы [Vestergaard 1988: 177–178; GL I, ch. 20, п. 12b, 14]. В этих же законах сказано, что незаконнорожденный сын (гутн. *Bysun*) мог получить право на наследство, лишь доказав свое происхождение от трех поколений гутнийцев через отца и мать, то есть свою принадлежность к *этту* [Губанов 2004: 13].

Как правило, расширенные патрилокальные семьи в Скандинавии держали свой одаль, передающийся от отца к сыну, от поколения к поколению, издавна. Даже в общенорвежском своде Landslov конунга Магнуса Хаконарсона 1274 г., согласно которому уже достаточно было обладать землей 60 лет, чтобы получить право на одаль, «сохранился термин, указывающий на первоначальный порядок обладания одалем, — *till haugóðals at telia*: право одаля, которое может быть доказано путем перечисления предков, владевших этой землей вплоть до времени, когда хоронили в курганах, т.е. в языческие времена. Поэтому даже в более позднее время, когда возникла тяжба из-за обладания одалем, ее выигрывал тот, кто мог проследить свою родословную “вплоть до курганов и язычества” (*till haugs ok till heiðni*)» [Гуревич 2009: 332].

Итак, в традиционном древнескандинавском обществе одаль должен был оставаться в собственности этта на протяжении долгих поколений, землю одаля нельзя было продавать. Неделимость одаля прекрасно иллюстрирует пассаж из исландской родовой «Саги о Гисли, сыне Кислого». Один брат получает в наследство от отца одаль, а другой — движимое имущество. А.Я. Гуревич полагал, что безземельные братья поступали в корабельные дружины предприимчивых вождей, немало стимулируя походы викингов за богатством и славой. Как бы то ни было, наследование одаля в «Саге и Гисли» — достаточно типичная ситуация: «Þorkell mælti: “Fyrir því at ek beiði skiptis þá skaltu hafa bólstað ok föðurleift okkar en ek skal hafa lansafé” <...> Sva lauk at Gísli skipti en Þorkell kaus lausafé en Gísli hefr land» — «Торкель сказал: “Так как я предлагаю тебе раздел, то у тебя будет место длинного дома и наше отчее наследство, а я буду иметь движимое имущество”. Тем и кончился раздел Гисли, что Торкель выбрал движимое имущество, а Гисли — землю» [Губанов 2004: 16].

Члены *этта* — главные получатели и плательщики платы за убийство родича — именуется в областных норвежских законах особыми терминами, что подчеркивает монолитность этой организующей социум группы. Члены патрилокальной расширенной семьи из трех поколений называются в Гулатинге и Фростатинге «людьми (платы) колец (род. п., мн. ч.)» — *bauggildismenn* или *baugamenn*. В связи с этим словом возникает масса ассоциаций, связанных с древнегерманскими реалиями. Др.-исл. *baugr*, др.-англ. *beaga* — «кольцо, изогнутая вещь» — представлял собою наручный браслет из драгоценного металла, являвшийся не только материальной, но и сакральной ценностью, выступая мериллом славы и удачи. Военный предводитель — *конунг* — надеял кольцами своих дружинников на пиру, отсюда его эпитет в древнеанглийском эпосе «Беовульф» — *beaga brytta* — «кольцо ломатель (делитель, наделитель)». Вероятно, некогда и вергельд выплачивался патрилокальной расширенной семье, этим «кольце-людям», в виде ценных браслетов или их частей.

В норвежских законах существовали специальные термины, охватывающие более удаленный круг родичей за пределами патрилокальной расширенной семьи. Важно подчеркнуть, что в отличие от *этта* и его «людей колец», эти родственники не воспринимались как члены структурной ячейки общества. Доля вергельда выплачивалась ими (или, соответственно, шла им) как отдельным персонам, «с носа», поэтому они и называются в Фростатинге *носоплательцики* — *nefgildi*. Второе место по размеру вергельда принадлежало *большим носоплательцикам* — *mikla nefgildi*, которыми считались не столь дальние мужские родственники через женщин: отец матери, сын дочери, брат матери, сын сестры, сын брата матери, сын сестры отца, сын сестры матери. Наконец, еще меньшую виру выплачивали и получали *малые носоплательцики* — *litla nefgildi* — более дальние мужские родичи через женщин: внук — сын дочери дочери, сын дочери сестры, сын дочери брата матери, сын дочери сестры отца, сын дочери сестры матери, сын дочери сына, сын дочери брата [Vestergaard 1988: 182–184; Fsl VI].

Особенно важно подчеркнуть, что расширенная патрилокальная семья как базовая ячейка древнескандинавского общества поддерживала свое существование на наследственном хозяйстве — «отчине, родине (предков), (благородном)» одале, кормясь с него и составляя с ним нерасторжимое целое, выразившееся в единстве связанных с этим и одалем понятий и образов. Как писал А.Я. Гуревич:

«Человек и его семейная группа неотделимы от наследственного земельного владения. Как повествует “Сага о Стурлунгах”, когда Снорри Стурлусон вознамерился переселиться из своей усадьбы Борг в Рейкьярхольт, одному из домочадцев приснился предок Снорри, великий скальд Эгиль Скаллаgrimссон, выразивший свое неудовольствие тем, что представитель его рода бросает старое семейное достояние; из его слов явствует, что своим поступком Снорри проявляет пренебрежение к земле, на которой он и весь его род преуспевали, господствуя над окружающим населением. Пренебрежение по отношению к владению предков! В высшей степени

показательное выражение: отчина, земля рода не мыслится как инертная материя, безразличный объект; люди испокон веков, “со времен языческих курганов”, живут на ней, и “сила земли” как бы вливается в них, давая им могущество и преуспевание. Заслуживает всяческого внимания и термин *frændgarðr* (“усадьба сородичей”), который был применен тем же Эгилем в поэме “Утрата сыновей”: гибель сородичей воспринимается как невосполнимая брешь в ограде, которой уподоблен круг родственников. *Garðr*, “двор”, — это и есть родственный коллектив! <...>

Но понятие “одадь” имело отношение не только к земле, оно было родственно группе понятий, выражавших в германских языках прирожденные качества, благородство, родовитость, знатность лица (*aðal*, *ædele*, *edel*, *eðel*, *adel*, *edila*). Ссылаясь на длинную и славную родословную, человек одновременно доказывал и свою знатность и свои права на землю (еще раз вспомним об *öðlingar*), так как по сути дела одно было неразрывно связано с другим, и одадь представлял собой не что иное, как родовитость человека, перенесенную на земельное владение и укорененную в нем. *Aðalborinn* (“человек благородный”) был синонимом *odalborinn* (“человек, рожденный с правом наследования и владения родовой землей”)» [Гуревич 2009: 336].

Близкое типологическое сходство с древнескандинавской обнаруживает традиционная структура древнеирландского общества согласно раннесредневековым законам кельтской Ирландии. Основной ячейкой традиционного общества ирландцев была патрилокальная расширенная семья из четырех нисходящих поколений родичей, потомков общего прадеда, которая именовалась *derbfine* и сообща владела землей. Землю эту, аналог древнескандинавского одаля, нельзя было продавать или делить, имение передавалось из поколения в поколение как собственность *derbfine* [Диллон, Чедвик 2002: 124]. Если к этому присовокупить фиксацию в древнеирландских законах вергельда или виры, которая здесь называлась *dire* или *эрик* и у кельтов Ирландии измерялась в соответствии с ценой чести (*lóg n-enech*, *eneclann*) потерпевшего, практику регулярных народных собраний-празднеств (*oenach*), наличие в раннесредневековой Ирландии наделенных и сакраль-

ным статусом военных вождей различного ранга (*ri*), самые мелкие из которых возглавляли небольшие территории, именуемые *туатами* (ср. др.-англ. *þeod*, др.-исл. *Þjóð* — «народ»), то ясно, что аналогия будет почти полной. Следует отметить, что основной структурной ячейкой древнегреческого гомеровского общества (IX–VIII вв. до н.э.) также была патрилокальная расширенная семья. Там тоже патриарх и его взрослые сыновья жили под одной кровлей, это объединение мужских родичей, их жен и детей называлось *ойкосом* [Андреев 2004: 234–264]. Подобные факты, на мой взгляд, свидетельствуют вовсе не о заимствованиях и даже не о сохранении архаичной структуры индоевропейского общества (хотя это, конечно, и так). Мне представляется, что исландское и ирландское общества были гораздо ближе к древнеиндоевропейскому, чем, скажем, древнеиндийское. Скорее, речь идет о демонстрации универсалий структур традиционных обществ.

Расширенные за пределы нуклеарных семьи — достаточно распространенный случай в традиционных обществах. Причем, как отмечалось исследователями, не следует придавать слишком уж большое значение традиции счета родства по мужской или женской линии [Попов 2000: 17]. Более сходства наблюдается, когда речь идет о *локальности*, то есть совместном проживании на определенной территории, и расширенном характере родового коллектива, состоящего из нескольких поколений родичей и их супругов. Так, в Западной Африке соблюдался матрилинейный счет родства, однако и здесь коллектив прямых потомков женщины из трех нисходящих поколений, называвшийся *яфуну*, непосредственно распоряжался землей, он представлял собою часть более крупного коллектива *абуса* из 4–5 поколений, имевшего право собственности на землю. Члены абуса проживали совместно, а руководил им, несмотря на матрилинейный счет родства, пожизненно выбранный мужчина — *абусапанин* (*панин* — «старший»). Он выполнял целый ряд важнейших лидерских функций в этом традиционном обществе: «Он являлся хранителем и распорядителем земель и другой собственности, организа-

тором совместных мероприятий (похорон, праздников), арбитром в спорах между членами абусуа, а также представлял интересы своей абусуа в совете старейшин деревенской общины, в который входили главы всех ее абусуа. Как представитель предков, он совершал ритуалы, связанные с почитанием предков, которые считаются настоящими хозяевами земли и гарантами благосостояния живущих членов абусуа. Управлял абусуапанин, советуясь со старейшими членами своей абусуа, а главной его помощницей была *обаапанин* (как правило, сестра абусуапанина), в функции которой входило руководство делами женской части абусуа (браки, разводы, роды и т.д.) [Попов 2000: 20].

Дж.П. Мердок в своем классическом труде по формам социальной организации традиционных обществ отмечает, что коллектив родичей древнескандинавского типа, названный им *патрилокальной расширенной семьей*, — чрезвычайно распространенный тип социальной организации в различных традиционных обществах. Теоретическая возможность существования неопределенно долгое время, экономическая база в виде передаваемой по наследству недвижимости и большая степень защиты относительно многочисленного коллектива родственников (и их челяди — *трэлей* древнескандинавского мира) — вот те факторы, которые делали этот тип социальной организации столь жизнеспособным и географически распространенным, как о том писал Дж.П. Мердок:

«Расширенные семьи состоят из трех и более поколений и характеризуются неограниченным периодом существования. В обществах с независимыми нуклеарными или независимыми полигамными семьями брак создает новую семью прокреации и перемещает обоих супругов (если не физически, то всегда социально) из их семей ориентации. Однако в рамках расширенной семьи только один из супругов разрывает связи со своей семьей ориентации. Другой/другая остается в собственном доме, где к нему/к ней присоединяется его/ее супруг/супруга, и через него/нее его/ее семья прокреации оказывается связанной с его/ее семьей ориентации в единое семейное целое. Поскольку этот процесс обычно повторяется в каждом

поколении, соответствующая расширенная семья приобретает постоянное существование во времени. Это постоянство во времени, характеризующее расширенную семью в отличие от других форм семейной организации, объединяет ее в один класс относительно постоянных социальных образований с унитарными родственными группами и общиной <...> Некоторые факторы, связанные с отношениями собственности, по-видимому, способствуют постоянству существования семьи во времени и таким образом содействуют развитию той или иной формы расширенной семьи. Там, где у людей нет практически никакого имущества или оно легко перемещается, отношения собственности не требуют постоянства существования семьи. Однако там, где главными объектами собственности становятся возделываемая земля, большие постоянные дома, места рыбной ловли, пастбища и иная недвижимость (в особенности если наиболее эффективная единица экономической кооперации превышает по размерам нуклеарную семью), каждая новая семья прокреации будет иметь тенденцию сохранять самые тесные отношения с семьей ориентации того из супругов, кто может рассчитывать на наследование недвижимого имущества. Таким образом, возможно, преобладающие формы собственности и способы наследования имущества могут быть факторами развития в обществе определенных форм расширенной семьи <...> Линтон рассматривает супружескую семью как изначальную семейную форму, связывая развитие кровнородственной семьи с целым рядом имманентных адаптивных преимуществ. К ним он причисляет постоянство ее существования, возможности, которыми она обладает в плане раннего развития социально адаптивных навыков, большую численность ее членов, а следовательно, более высокий потенциал кооперации, преимущества в отношении ухода за престарелыми, в плане самообороны, ее большую приспособленность в качестве гаранта имущественных прав и социального статуса» [Мердок 2003: 56, 60, 66].

Впрочем, вопрос о влиянии экономических факторов на формирование локальной расширенной семьи сложен и однозначно не решается. Безусловно, хуторская передаваемая по наследству недвижимость в виде древнескандинавского *одаля* была весьма значимым экономическим фактором, обеспечивавшим стабильность *ætt* во времени и патриархальный характер древнесканди-

навского общественного организма. Однако некоторые гораздо более архаичные социальные формы демонстрируют определенное сходство с *ætt* (при наличии, разумеется, существенных различий). Так, линидж австралийских *аранда* также состоял из трех нисходящих поколений родичей, управлялся патриархально и включал около 50 человек. Хотя в линидже, в этом архаичном обществе охотников и собирателей, кочующих по территории своих мифологических «первопредков», вероятно, линейное родство еще не осознавалось, его замещало осознание реинкарнации первопредков в ныне живущих членов линиджа. Соответственно, иным у австралийских аборигенов было восприятие времени, как пишет П.Л. Белков:

«Генеалогия является древнейшей категорией *линейного* времени и, кажется, совершенно чужда мифологическому сознанию. Вероятно, первоначальным импульсом возникновения линейности, т.е. четкого выделения патрилинейных или матрилинейных групп, явился переход к оседлому образу жизни (территориальная устойчивость социальных группирований предполагает разграничение линий наследования). И поскольку реинкарнационное родство аморфно в плане выделения линий происхождения, то в момент перехода к примитивному земледелию или его структурным аналогам общество может “застыть” в любой форме счета происхождения: патрилинейной, матрилинейной или билинейной <...> В известном смысле проблема классификационных систем родства имеет довольно простое графическое решение. Рассматриваемые системы необходимо представлять не в виде вертикальных линий, а в виде сети локальных тотемических центров, на “линии глаза” — как мифологический путь предков. Как пишет В.В. Бочаров, в форме реинкарнации первобытная интуиция фиксирует цикличность событий. Однако сама реинкарнация в данном случае является категорией не времени, а социального пространства» [Белков 2004: 223, 224].

Как бы то ни было, в древней Скандинавии уже по крайней мере со времен Тацита, вероятно, система расширенной патрилокальной семьи была неразрывно связана с передаваемой по наследству неделимой недвижимостью — *одалем*. Теоретически

и неделимый одаль, обеспечивающий патрилокальную расширенную семью средствами к существованию, и его владельцы, три поколения родичей, совместно проживающие в длинном доме, эти структурообразующие и в значительной мере самодостаточные экономический и социальный организмы, могли существовать сколь угодно долго в эстафете поколений. Однако внешние факторы, прежде всего экспансия феодальной культуры и общественной иерархии из континентальной Европы, прервали традицию и разрушили традиционное древнегерманское общество.

Необходимо отметить, что при всей универсальности организации родичей древнескандинавское общество демонстрирует и некоторые существенные особенности, определяющие его своеобразие. Главное отличие традиционных обществ индоевропейцев железного века, в том числе и древнескандинавского, от более распространенной по Земному шару модели, когда важные для коллектива решения (в том числе и по урегулированию кровнородственной вражды) принимаются советом старейшин, состоит в следующем: определяющую роль здесь играет народное собрание. Тинг был главным институтом общинной организации древних германцев. Возможно, подобное народоправство, называемое некоторыми «военной демократией», явилось следствием именно освоения общедоступных железных орудий и оружия. Например, важным фактором, вероятно, стало всеобщее вооружение мужского населения достаточно эффективным оружием со времен раннего железного века. Тут можно спроецировать на древность афоризм о том, что «Бог создал людей, а Кольт (и его револьвер) сделал их равными» — ту же роль защиты суверенитета личности сыграли топор, копье и меч свободных общинников железного века. Заметим в этой связи, что античный протополис времен архаики демонстрирует общественную структуру, сходную с древнеисландской и древнеирландской [Андреев 2004: 331–362; Ольгейрссон 1957].

О сходстве древнеисландского общества и архаического города-государства писали в XIX в. шотландский медиевист Уильям

Патон Кер и в наше время американский исландист Джесси Байок. Так, У.П. Кер в своей книге «Темные века» заметил, что «несмотря на свои весьма внушительные размеры, Исландия всегда оставалась во многом похожей на город-государство. Ее не слишком многочисленное население, хотя и было рассеяно, не было раздроблено, и четыре четверти Исландии с такой же страстью интересовались делами друг друга, как разные кварталы Флоренции. В сагах, где нет ничего важнее, чем частные дела частных людей, и где все сколько-нибудь значительные люди хорошо знакомы друг с другом, поездка из Городища [на юго-западе острова] в Островной фьорд [на севере] представляла собой не более чем поход в гости к соседу, когда заодно по дороге заходят еще и к паре других. Разные концы острова, удаленные друг от друга географически, социально находятся на одной улице. Не лежит на Исландии эта тень безличных людских масс и безымянных сил, пролагающих в других странах непреодолимую пропасть между историей и биографией» [Кер 1958: 200–201], (цит. по: [Байок 2012: 338]). Следует обратить внимание на определение Джесси Байока, особенно на его слова о «зачаточной стадии» «города-государства» — это привязывает модель к исторической перспективе, в которой можно рассматривать процесс эволюции индоевропейских обществ железного века от состояния, сходного с древнеисландским, к античному полису. Джесси Байок пишет: «Общество, хотя и рассеянное по просторам огромного острова, не дробилось на регионы, а было едино. Везде действовали одни и те же правовые и законодательные институты. Иначе говоря, можно назвать Исландию эпохи народовластия городом-государством в зачаточной стадии» [Байок 2012: 337].

Как мне представляется, совершенно справедлива высказанная впервые Г. Чайлдом в 1942 г. идея о «демократизирующем» влиянии технологий железного века на сельское хозяйство, ремесленное производство и военное дело [Childe 1942: 183; Чайлд 1949: 76–77]. Как писал Ю.В. Андреев: «Освоение основных приемов выплавки и обработки железа в течение субмикенского (СМ) и протогеометрического (ПГ) периодов приблизило источ-

ники сырья к потребителю и тем самым позволило переориентировать всю греческую металлургию на внутренние ресурсы, сделав излишними систематически практиковавшиеся в микенскую эпоху далекие и дорогостоящие экспедиции за металлом. Резкое удешевление металла сделало его практически общедоступным. В связи с этим должны были сильно расшириться производственные возможности основной хозяйственной ячейки тогдашнего греческого общества, которой была, по всей видимости, патриархальная семья. Благодаря железным орудиям труда, более дешевым и вместе с тем более эффективным в работе, семья начинает постепенно высвобождаться из-под контроля более крупных общественных организмов <...> и превращается в тот автономный *ойкос*, с которым нам еще придется столкнуться на страницах гомеровских поэм» [Андреев 2004: 95, 98].

При этом, конечно, следует помнить, что вопреки мнению некоторых романтически настроенных публицистов, древняя индоевропейская община железного века при всем своем демократизме вовсе не была сусальным образцом всеобщего лада и согласия, где решения принимались в «соборном» согласии, а собственность на землю была коллективной. Еще в конце XIX столетия выдвинутая Лавеле, Риджуэем и Эсмейном т.н. «общинная теория», постулирующая наличие в древности коллективной собственности общины на землю как естественной, закономерной и продолжительной общественной стадии, вызвала немедленную резкую критику почти всех крупнейших авторитетов европейской науки, объединившихся под лозунгом «извечности и неизблемости принципа частной собственности» (хотя бы в форме неделимой собственности живущего совместно ограниченного коллектива родичей и их супругов) [Андреев 2004: 214]. На самом деле главной ячейкой индоевропейского общества железного века была патрилокальная расширенная семья, которой и принадлежала неделимая собственность. Общинные сходки, подобные скандинавскому тингу или собранию древних греков гомеровского времени на агоре, главным образом выполняли функцию урегулирования кровной вражды между патрилокальными расши-

ренными семьями. Зачастую они превращались в ожесточенные схватки между противоборствующими сторонами — семьями убитого и убийцы, их дальними родичами и поддерживающими стороны представителями родовой знати. Часто более слабую сторону перекрикивали или оттесняли, нередко дело доходило до открытого сражения. Тем не менее выступающим на народном собрании следовало хорошо знать традиционные законы кровно-родственного общества и говорить в соответствии с определенной процедурой. Очень хорошо противоречивость народо-правства традиционных индоевропейских обществ на материале гомеровского общества показал Ю.В. Андреев. Он, в частности, писал:

«Морган недооценивает силу действующих в этом обществе изоляционистских, центробежных тенденций, превращающих каждый гентильный коллектив в самодавяющий замкнутый мирок, враждебный всему остальному миру. Отнюдь не братская солидарность и мирное сотрудничество являются основными факторами, направляющими внутреннее развитие варварской общины. Всякому, кто изучал родовой строй... будь то общество исландцев эпохи независимости или кавказских горцев, монголов дочи́нгисхановского периода или шотландских кельтов, хорошо знакомы такие явления, как кровная месть, передающаяся из поколения в поколение, опустошительные межродовые войны из-за земли и пастбищ для скота, наконец, бесконечное соперничество и борьба за власть и престиж между родовыми вождями. Общество греков гомеровского периода едва ли составляет в этом смысле какое-то исключение из общего правила и, конечно, не может претендовать ни на особенное миролюбие, ни на из ряда вон выходящее чувство коллективизма и товарищеской спайки. Узы кровного родства, связывающие гомеровского героя с его семьей и родом, значат для него гораздо больше, чем гражданская солидарность. Даже в душе Гектора, этого стойкого и, казалось бы, бескомпромиссного патриота, жертвующего жизнью ради города и сограждан, голос крови в отдельные моменты все же пересиливает чувство долга перед общиной. Об этом свидетельствует хотя бы его молчание в ключевой сцене собрания на троянской агоре (Ил. VII, 345 sqq.). Подобно всем

остальным Приаидам, Гектор не оказывает никакой поддержки Антенору, предлагающему выдать Елену ахейцам, и не пытается урезонить совершенно зарвавшегося Париса, хотя одно его слово, вероятно, могло бы решить исход прений. Вообще род в понимании Гомера противостоит общине как враждебная сила, разлагающая ее изнутри, а иногда даже ведущая к гибели. Опираясь на поддержку и сочувствие родичей, человек может решиться на самое тяжелое преступление. Одиссей говорит, обращаясь к пирующим в его доме женихам (Od. XVIII, 139 sq.): “Некогда и я кичился своим богатством среди людей и много совершил незаконного, подстрекаемый силой и властью и полагаясь на отца и братьев моих”. Эти слова звучат прямым намеком на то, что за спиной женихов стоят их родители и старшие братья, которые своим попустительством, а может быть, и прямым наущением толкают их на разбойные дела <...> Тайное становится явным в финальной сцене поэмы. Речь Евпейта, призывающего отомстить за погибших женихов, находит бурный отклик в сердцах собравшихся на площади итакийцев. Механизм кровной мести срабатывает безотказно, и собрание в мгновение ока раскалывается на две враждебные партии (Od. XXIV, 463 sq.)» [Андреев 2004: 351–352].

В знаменитой исландской «Саге о Ньяле» содержится много ярких описаний собраний древнегерманского тинга. Например, повествуется о том, как вовлеченные в кровную вражду стороны передают решение дела на усмотрение тут же, на тинге, делегированных сторонами третейских судей, которые назначают возмещение — громадный вергельд, и даже сами обязуются уплатить львиную его долю на благо общинного мира. Однако вергельд не устроил потерпевшую сторону, распря возобновилась. У этой истории трагическая развязка — патрилокальная расширенная семья убийц (сыновей Ньяля) и сам патриарх, почтенный Ньяль, с супругой гибнут на своем хуторе, в своем длинном доме, подожженном кровниками во главе с Флоси. Сожжение в доме уже считалось тяжким преступлением. Таким образом, мы видим, что от реальной жизни традиционной общины до образа пасторального «общинного лада» было очень далеко.